

Я люблю этот город в начале зимы, когда на него ложится снег. Не первый — лохматый, клочкастый, умиляющий и жалкий, как мокрый котенок; а настоящий — пушистый и плотный, основательный. Белый-белый. Он укрывает дороги, широченные наши проспекты, дворы и сами дома, и сказочный лес, что виден из моего окна, и фонари, исполненные значимостью процесса освещения этой невероятной белизны. Этой чистоты. Лишь в краткую пору падения первого серьезного снега мой город становится Городом. Светлым, уютным, теплым, притихшим. Тогда можно восхищаться совершенством линий его безукоризненно прямых проспектов, строгой гармонией разноэтажных стровний, стремящихся ввысь. И люди, тоже притихшие, строгие и прекрасные, забыв по привычке обругать невесту куда подевавшиеся автобусы, ступают по этой белизне осторожно и даже как-то отрешенно, думая о чем-то очень далеком от производственного плана, магазинных очередей и задержки зарплаты. И так спокойно, совсем не страшно ходить по чистому снегу, среди светлых домов, мимо очень нечастых прохожих.

Только идиллия эта недолговечна. Поутру рванут по дорогам шальные «девятки» и иномарки, взрывая шипами хрупкую белую тишину. А потом пройдут снегоуборочные машины — «пылесосы-поливалки», сгребут на обочины дорожки остатки ночной сказки, и опять все встанет на свои места.

И Город перестанет быть Городом. Он снова — место временного проживания. Сам бесприютный, нахохлившийся, нервный, как подросток. Расхристаный, непонятный и непонимающий.

Только дворники на улицах совершенно не обращают внимания на погоду или непогоду и на все эти лирические заморочки: каждый день — и зимой и летом — я просыпаюсь от одних и тех же заводраживающих звуков. Летом — шум льющейся из шланга воды — наши дворники почему-то предпочитают не мести, а мыть асфальт внутри двора проточной холодной водой, а зимой — ритмичное, равномерное постукивание их скребков, скалывающих наледь с тротуаров. А прежде чем выйти в тревожную суету города, в издерганную бесконечными проблемами уличного толчею, я на несколько минут окунаюсь в приветливую безмятежность умытого, дышащего чистотой и спокойствием нашего дворика. В эти мгновения мне так хочется, чтобы время остановилось, а прежде чем я заверну за угол дома, пусть появятся тетенька-дворничиха, обязательно с метлой, и пойдет впереди меня, размета, прогоняя все мои вчерашние и грядущие неприятности.

Встреча 1993 год, мы весело смеялись, подшучивая над его символом — черной мокрой курткой... И в общем-то довольно безбедно, — на фоне всеобщей разрухи, — существуя, не подозревая, что приятным апрельским вечером черная курица обернется красным петухом, его бесовской пляской на кровле завода да-

гателей и в считанные часы превратит его в страшные, то и дело плюющиеся огнем развалины. Завод загорелся 14 апреля. Из всех концов города было видно зарево. Из всех концов Города, словно повинувшись какому-то непонятному по нынешним временам зову, люди шли, ехали к раненому заводу. Не из любопытства — чтобы помочь. Словно их присутствие могло отвести беду, уменьшить боль. Со всего Татарстана съехавшиеся пожарные машины, казалось, совершенно бессмысленно сновали туда и обратно. Они выглядели просто детскими игрушками на фоне гигантского пламени. Жар его ощущался уже у трамвайной оста-

МОНОЛОГ ПИСАТЕЛЯ

Куштуря. - 1994. - 10 лет. - С. 9.

БЕЛОЕ, ЧЕРНОЕ, БЕЛОЕ...

новки, метров за триста — сюда долетали искры... Люди стояли и смотрели. И плакали. От едкого дыма, от бессилия. Пожилые, построившие и вырастившие этот завод, молча делились валидолом, потом, страхнувшись, ругали начальство и медлительных, как казалось, пожарных. Хорошо, что на следующий день поставили оцепление и никого не пускали к пожару.

...Мы начали снимать хронику. Не ликвидации последствий пожара — восстановления завода двигателей. Восстановления! Почти полтора километра в длину и метров пятьсот в ширину завода не было. Искорененные огнем металлоконструкции, оплавленное стекло, горелый бетон, вздыбленная и обрушившаяся кровля. Тоскливые скелеты обгоревших станков, в беспорядке разлетевшаяся документация, чья-то красная туфелька (как она уцелела?), вода, стекающая из просветов в крыше, через которые видно хмурое, совсем не весеннее серое небо. Дождь. И удручающий, тяжелый, какой-то вязкий запах горевшего металла, химикатов, эмульсий, красок.

Огонь был настолько сильным, что выходящие из конвейера автоматической линии чугунные блоки цилиндров оплавились и замертво слились с транспортером и станиной. В этот день мы снимали, пожалуй, самые страшные кадры. «Как на войне, — сверлила голову мысль. — Так, наверное, может быть только на войне». Не приведи, Господь, когда-нибудь еще повидать такое!

Может показаться чудом, но никто из заводчан не пострадал в огне. Повезло. Когда случилась беда, был обеденный перерыв, и большинство рабочих были в столовых за пределами корпуса. Оставшихся успели вывести через въездные ворота и подземные тоннели.

...Не, бате твоему сюда нельзя, — сказал Мишка, наш оператор, и, зло сплюнув, начал для чего-то крутить объектив видеокамеры, отвернувшись и выставляя баланс по черному. Черного вокруг было много. Я же, забыв отвер-

нуться, почувствовала, как щиплет глаза, нос и что-то мокрое на ресницах. Слезы!

Мишка, совсем не сентиментальный, крепкий парень из поколения местных хулиганов, заставивших несколько лет назад столичных журналистов с придыханием писать испуганно-восхищенные строки о так называемом «челнинском феномене» — подростковых группировках, которые от избытка неустраиваемой энергии без конца выясняли отношения между собой, заставляя полутьно трепетать не только округу, но и ближние и не очень ближние столицы. Нет, из Мишки слезы не выдавишь — это, верно, и в самом деле дым. Просто он когда-то работал вместе с моим отцом в том самом цехе, чьи обгоревшие останки лежали у наших ног.

— Вот здесь, — он ковырнул носком кроссовки черную, смолистую шашку обугленного пола, — блоки делали. А вот там Маркович работал.

Знаю. Помню. Когда еще не так, как сейчас, строга была охрана, ребятами частенько проникали на завод поглядеть, чем там взрослые занимаются, откуда «КАМАЗы» берутся. На движках работали и папа, и мама. С самого начала, как только в 72-м приехали сюда. И, честно говоря, не только по «зову сердца». Как многие — за квартирой. Хотя элемент романтики все же присутствовал. Помню, когда остро встал вопрос жилья, сидели с мамой, рассматривая «Огонек». Большой разворот — цветная фотография — бесконечная, раскуроченная бульдозерами степь. И голубое-голубое небо над коричневой землей. Мама: «В Тобольске квартирку за два года обещают, и здесь. Куда, доча, поедем?». «Красивое название — Набережные Челны. Речка, наверное, есть...» — это я. «Ну так поедем в Челны». — «Ой, правда, когда?».

...Мама попросила меня сходить за хлебом и показала из окна общежития, где нас поселили, куда идти. С десятого этажа голубые веселенькие вагончики, которые важно назывались «магазинами», казались совсем рядом. Прекрасная пого-

да, солнце, какие-то неприличные шумы, высокие белые дома и недостроенная еще школа, в которой мне предстояло учиться, делали настроенное просто великолепным. «Магазин» и впрямь оказался рядом, только вот... прямо поперек дорожки, ведущей к цели, — огромная, хлюпающая жидкой грязью лужа. Обойти? Кошмар: справа на меня надвигалось какое-то свирепое металлическое чудовище, один колес которого были раза в два выше меня ростом. Прямо? — а на ногах новенькие, в первый раз надетые зеленые импортные (польские!) босоножки. «Будь, что будет», — закрыла глаза, шаг вперед и вдруг почувствовала себя парящей над землей, правда, в несколько неудобном положении. Какой-то человек, подхватив меня одной рукой и мурлыкая под нос песенку, солидно и равнодушно переходил лужу, ступая в нее огромными резиновыми сапогами. Не обращая внимания на мое испуганное возмущение и не переставая напевать, он поставил меня на продолжение тропинки, подмигнул и так же степенно удалился, шурясь на солнце. Ошарашенно глядя вслед его удаляющейся спине, затянутой в куртку надписью «Не уверен — не обнимай!», пролепетала: «Спасибо». И подумала: «Странный город». Потом я узнала, что обычно на куртках писали названия городов, откуда приехали: «Москва», «Ленинград», «Тюмень», «Ярославль»... Мне, наверное, следовало бы написать на своей куртке «Сочи», но было стыдно, поскольку в Сочи не живут, в Сочи отдыхают, казалось мне. А здесь... Когда они отдыхали? Всегда куда-то спешат люди, скрипят стрелами башенные краны, несутся, разбирая дороги, вахтовки, грузовики; тяжело и неумолимо передвигаются те самые «чудища», похожие на динозавров, — автоскреперы, это я тоже потом узнала, как они называются. Еще позже, когда великая стройка отработает «Есть КАМАЗ!», одна из этих машин встанет на высоченной насыпи у первой дороги, дороги № 1, ведущей к заводу. Это бригада автоскреперистов Умат-Гирея Наурбиева за ночь

соорудила такой необыкновенный памятник, написав на насыпи: «Слава строителям КАМАЗа!». А спустя еще несколько лет, когда прорвала плотину молчания волею афганской войны и «вдруг» оказалось, что в числе погибших и наши челнинские ребята, стали судить да рядить, чем почтить их память, и слежка конкурсов объявили. Тогда рядом с первой насыпью выросла еще одна, а над ней — из сверкающего белого металла фигура бойца: автомат в руке, сам рванулся вперед и застыл на мгновение то ли в солнечном круге, то ли в кружке автоматного прицела, но следующую шаг — неотвратимо! — в бессмертие. Поставил его тот же Наурбиев, Умат-Гирей Камбулатович, вместе со своей бригадой, на свои деньги, ни у кого не спрашивая субсидий и архитектурных согласований. Более тревожно, чем ямщик по памяти афганцам я не видела.

...«Глаза боятся, а руки делают», смахнул пот со лба пожилой наладчик с движков Яков Батищев. — Мы этот завод строили, нам его и восстанавливать». Он и еще тысячи таких же, как он, — степенных, основательных, чуть смущающихся телекамеры людей, вывозили чудом уцелевшие станки, оборудование, обгоревшие металлоконструкции, разгребали эту ядовитую черноту. К зиме, а она в прошлом году выдалась ранняя, новые, сверкающие стены завода двигателей своим сиянием уже соперничали с белизной снега. И если забыть снятые весной и летом кадры, трудно поверить, что всего полгода назад здесь полыхало пламя. Правда, внутри корпуса еще идет реконструкция, и некоторые цехи напоминают стройплощадки, как в те, первые годы.

...Казалось, все вокруг писали стихи. Местных поэтов знали и любили (некоторые сейчас «проходят» в школе, на уроках по истории родного края), их охотно печатали солидные издания. Время такое было. Но прославляя КАМАЗ, восхищаясь его грандиозными масштабами, наши поэты, может, и не были очень уж большими мастерами слова, но они были уди-

вительно чисты и искренни. Они не врал.

Расстроилась, читая «постпостроенные» стихи одного из них. Нынче он негодует и брюзжит и свысока глядит на «никому не нужный» и «золотом оплаченный КАМАЗ». Он лелеет свое недовольство и не понимает, что и им тоже построенный этот белый город, как выросший ребенок, ведет себя совсем не так, как мечталось кормившим его с ложечки родителям. У него свой нелегкий характер, да и время ему для взросления выпало не самое сладкое.

Моя подруга, сама в 16 лет приехавшая на «стройку века» по комсомольской путевке, ломает голову, что делать со своими, уже семнадцатилетними сыновьями. Устраивая их в очередное ПТУ или забирая из ментовки, куда они с заданным постоянством попадают, загулявшись допоздна (последнее 22.00 — на улице ни-ни; сиди дома — такой порядок), она не устает повторять: «Они же не гады, понимаешь, не сволочи, просто им горздо труднее, чем нам. Мы хоть цель какую-то имели. А у них — ничего. Они никому не нужны. Тут взрослые не могут найти свою нишу, что с них-то спрашивать? Просто они — другие». А не намного старше своих пацанов была она, когда в угоду каким-то совершенно непонятным идеям и странной моде Челнам вдруг присвоили имя умершего генсека. Тогда Инна, на каком уже не помню собрании, упрямо тряхнув светлой челкой и в упор глядя на председателяствующего огромными синими глазами, прочла свои совершенно невозможные для 1982 года стихи:

Верните городу поэзию,
Вы, кто вернуть ее должны.
Какой он, к черту, «город Брежнев»!
Он — Набережные Челны.

И ведь вернули. Название вернули, а что-то словно надломилось. Стихов стало меньше. За эти годы я разучилась посылать письма в другие города. Неловко было писать обратный адрес.

А вот Рашат Садрудинов, наш бывший коллега и поэт, давно нигде не печатается и вообще куда-то пропал из по-

ля зрения. Говорят ушел в коммерцию. А что — очень даже поэтическая сфера деятельности, возможности для импровизаций и простор для воображения — безграничны. Но он написал стихи, самые маститые из приезжих вряд ли могли так сказать:

Тот, кто здесь был, он слышал, как негромко вздохнула степь, грядущим днем дыша.
Я б сдал в музей, оставил для потомков, хоть горсть земли из первого ковш.
Кто начинал, они расскажут сами, как в облака вонзались этаны.
Я б первый ордер города на Каме на самом видном месте положил.

Вам без труда любой припомнит сразу, как первенца из цеха провожал.
Я б красным днем Рождения КАМАЗа в календари настенные вписал.
Здесь каждый миг — сюжет для ста рассказов.
Здесь новый день — прошедшего щедрей.
Растет КАМАЗ и я расту с КАМАЗом, — в нем часть души встревоженной моей.

Непостижимые люди живут в моем городе. Их поступки, дела слишком часто бывают нелогичными, необъяснимыми, непонятными. Наверное, дело в том, что камазовцы — это не принадлежащие к предпринимательству, челянцы — не географическое понятие. Это как национальность или фамилия, может быть. Их сразу узнаешь в любом другом городе.

Сейчас, когда вроде совсем не до праздников, проводят «юбилейные мероприятия, посвященные 25-летию начала строительства КАМАЗа» Пир во время чумы? Неизбывное русское «Авось, пронесет?». Черт его знает, или, скорее, Бог ведает. Только стоит, наверное, увидеть, как на этих вечерах встречаются первостроители, как, застав дыхание, слушает зал рассказы тех, которые «начинали с нуля, клали в камень монеты, чтоб узнала Земля лучший город планеты».

Это еще ладно, все-таки четверть века, а вот весной устроили фестиваль отечественного кино «Женский мир». Да каких актрис позвали: Ирина Алферова, Клара Лучко, Елена Яковлева, Инна Чурикова, Ирина Муравьева, Татьяна Васильева, Валентина Малавина, молодые, так полюбовавшиеся горожанам Аня Яновская и Наташа Чернявская, наверное, еще не забыли встреч со своими зрителями в Набережных Челнах. Хотя им, зрителям, попасть на встречу было ой как непросто. На фоне общекамазовского беззарплата просто нереальными выглядели бескомпромиссные таблички у кассы киноvideоцентра, где шли фестивальные фильмы, «Все билеты проданы». Сама видела, как в первый день у той же самой

кассы остановились две девушки, размышляя, на какие фильмы пойти. И совсем не экстравагантного вида женщины, заметив их замешательство, сказала: «Ой, девочки, я вот пошла на открытия — решила: на все пойду. Сколько есть денег — на билеты потрачу. Черт с ней, с зарплатой, все равно дадут, рано или поздно, а вот когда еще к нам такие актрисы придут!» И пусть мне рассказывают, что сейчас в кино не ходят. Ходят. Еще как!

...«Сумасшедшая» — говорили одни. «Авантюристка» — другие. «Волшебница» — еще кто-то. И все — про главного организатора этого недельного праздника кино в городе — Евгению Михайловну (за глаза — просто Женя). И, в общем-то, все суждения справедливы. Разве нормальная, рационально рассуждающая женщина возьмет на себя такую обузу, такую ответственность — всех собрать, уговорить, предложить приемлемые условия — это об артистах, продюсерах, прокатчиках; убедить в необходимости финансирования не просто Неделю кино, а именно фестиваля — со всеми его атрибутами — настоящей рекламной, призами, встречами, тузовками, шоу-открытием и торжественным закрытием (это о спонсорах, главных среди которых, конечно же КАМАЗ); и отбиваться от бесконечных претензий по поводу, чем выбрасывать деньги на все, там развлекалочки, лучше бы зарплату рабочим дали. Да, надо быть немного сумасшедшей, авантюристкой и, конечно, волшебницей, чтобы в сотый раз, не теряя терпения, и с непременной улыбкой доказывать какому-нибудь чиновнику или дотошно-му корреспонденту, что денег, потраченных на проведение фестиваля, вряд ли хватило бы на зарплату какой-нибудь самой маленькой конторе, а радость, полученную от общения с прекрасными актрисами, с друг другом, — разве можно ее разменивать на деньги? «Ну кому стало хуже оттого, что люди на неделю вообще забыли о деньгах, что неделю они были счастливы?» — она почти в отчаянии.

Бросьте, Женечка, все правильно — ведь никто из камазовцев, побывавших на фестивальных просмотрах и фильмах, не посетовал на то, что средства родного акционерного общества расходуют неправильно. Они невероятно, потрясаясь красивыми, эти люди, живущие в моем Городе Местный скульптор, украсивший бульвары и площади непонятными, экзотическими скульптурами, дружил с Рерихами. Он утверждает, что великие мыслители прочили возрождение таинственной Шамбалы здесь, на челнинской земле. У нас? В этой простуженной степи, где и летом, и особенно зимой — ветра, ветра, ветра. В какую сторону ни пойдешь, ветер всегда в лицо. Может, поэтому так прекрасны мои земляки, что им постоянно приходится побеждать эти изменчивые ветры?

...Сегодня опять выпал снег. Помчались в школу пацаны по снежной белизне. Упрямыми — нагнув голову, против ветра! — каждый своей, пока еще белой тропинкой. Вон еще один победил. Это — мой.

Лариса ВАСИЛЕНКО.